
ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

А. И. КОГАН

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ И ТЕХНО- ЛОГИЯ ОСНОВНОГО ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОЦЕССА В КАШМИРСКОЙ ДОЛИНЕ В VIII–XIX вв.

Пожалуй, самой большой загадкой истории Кашмира является имевшая там место в Средние века радикальная смена культуры. Наиболее ярким ее проявлением была чрезвычайно быстрая и массовая исламизация страны, в результате которой в течение двух-трех веков ислам стал религией более 90 % кашмирцев. Этот процесс смены религии по скорости и масштабам не имеет аналогов в истории Южной Азии. Он, вне всякого сомнения, представляет собой исключительное явление, требующее специального изучения. К сожалению, до сих пор историкам не удалось значительно продвинуться в решении данной проблемы. В нашей недавней статье (Коган 2008) мы попытались привлечь с этой целью данные разных наук (политической и культурной истории, сравнительно-исторического языкознания, физической антропологии) и в результате выдвинули гипотезу, согласно которой широкое распространение в Кашмире ислама, а также сопутствующие ему резкие изменения в духовной и материальной культуре и, вероятно, в антропологическом типе были следствием смены этнического состава населения. Проверка этой гипотезы возможна лишь при тщательном изучении этнических процессов, протекавших в Кашмирской долине в прошлом. Рассматривать их можно с разных сторон. Так, лингвистические исследования теоретически могут предоставить в наше распо-

ряжение факты, свидетельствующие о смене языка¹, что, несомненно, будет весьма веским аргументом в пользу смены этноса. В будущем свое слово, вероятно, скажут также археологи и генетики. В данной статье мы попытаемся взглянуть на указанные выше проблемы с позиции социоестественной истории.

В центре внимания социоестественников, как известно, находится триединая система «природа – хозяйство – ментальность». В нашем случае следует ответить на вопрос, изменилась ли эта система в Кашмире с приходом ислама. Исследование природных процессов (в частности, климатических изменений) в Кашмирской долине в их связи с хозяйством и демографией все еще остается делом будущего. То же можно сказать и об анализе ментальности (коллективного бессознательного) кашмирцев. При этом, однако, согласно одному из основных положений СЕИ, одним из способов выявления мировоззрения больших человеческих коллективов (этносов) является изучение технологии основного хозяйственного процесса (Кульпин 1999), созданной представителями того или иного этноса в соответствии со своими представлениями о мире и о себе (Там же). Поэтому в случае с Кашмиром анализ хозяйства, в частности основной технологии, приобретает особую важность. Сразу следует заметить, что термин «технология» в данной статье понимается так же, как во всех работах, где используется методология СЕИ, то есть как правила игры, в которой участвует человек, природа и техника – средства воздействия человека на природу.

К сожалению, изучение изменений в хозяйстве Кашмирской долины не привлекало в прошлом должного внимания исследователей, хотя отдельные интересные и ценные наблюдения были ими сделаны. Традиционно историки были склонны уделять основное внимание сходствам в экономической, социальной и политической системе домусульманского, мусульманского и колониального Кашмира и указывать (не всегда, на наш взгляд, с достаточными основаниями) на характерную для этого региона преемственность

¹ В одной из наших последних работ (Коган 2011) такие факты были выявлены. На их основании можно предположить, что население Кашмирской долины еще в раннем Средневековье говорило на языке, не являвшемся предком для современного кашмири, достаточно далеко от последнего генетически, но при этом близком к языкам, распространенным ныне к югу и юго-востоку от Кашмира.

традиций. Различия же при этом нередко оставались вне поля зрения ученых. Наиболее четко такой подход прослеживается, пожалуй, в работах британского исследователя Ауэрея Стейна – крупного археолога, историка, географа, пионера изучения истории Кашмира. Весьма показательным в этом отношении примером является изданный им комментированный английский перевод кашмирской санскритоязычной придворной хроники «Раджатарангини» (Kalhana's... 1900). Многочисленные и пространные комментарии А. Стейна изобилуют параллелями между описанным в хронике раннесредневековым (домусульманским) и современным ему Кашмиром конца XIX в. Об отличиях между двумя эпохами ученый в лучшем случае говорит кратко и мимоходом, из-за чего у читателя может сложиться впечатление, что в Кашмирской долине за последнее тысячелетие мало что изменилось за исключением религии. По-видимому, с тех же позиций А. Стейн рассматривал и хозяйство, хотя изучение последнего, как нам представляется, не входило в круг основных научных интересов исследователя. Он лишь отмечает, что основной сельскохозяйственной культурой в Кашмире как в раннем Средневековье, так и в Новое время был рис (*Ibid.*). Аналогичными заявлениями ограничиваются и некоторые индийские историки (Bamzai 1973; Ramu 1969). Принимая во внимание тот факт, что нам известно много разных технологий выращивания риса, следует признать, что сохранение рисоводства как основной отрасли само по себе еще не означает неизменности хозяйства. Прояснение реальной ситуации станет возможным только после тщательного сопоставительного анализа сельского хозяйства Кашмира в различные исторические периоды. Начать такой анализ лучше всего с Нового и Новейшего времени² – эпох, для которых мы располагаем наиболее полными и разнообразными данными.

В первой половине и середине XX в. на рисовые поля приходилось около 40 % всех посевных площадей Кашмирской долины (Пуляркин 1956; 1967). Располагались они, однако, неравномерно, что объясняется некоторыми особенностями рельефа. На этих осо-

² Ниже речь пойдет прежде всего о XIX и первой половине XX в. В более поздний период в сельском хозяйстве Кашмира стали происходить изменения, связанные с постепенной модернизацией агротехники и строительством крупных современных ирригационных систем. Анализ этих изменений выходит за рамки данной работы.

бенностях мы считаем нужным остановиться подробнее. Сринагарская (Кашмирская) долина представляет собой обширную межгорную котловину, расположенную между Большими и Малыми Гималаями. По форме ее нередко сравнивают с чашей. Дно долины лежит на высоте около 1500 м над уровнем моря. По нему протекает река Джелам – главная водная артерия Кашмира. По обоим берегам Джелама расположена аллювиальная равнина, сложенная четвертичным аллювием. Склоны долины заняты древними террасами, известными в географической литературе под кашмирским названием *карева*. Максимальная высота этих террас превышает 3000 м над уровнем моря. *Карева* непосредственно примыкают к склонам окружающих долину горных хребтов – Большого Гималайского и Пир-Панджала из системы Малых Гималаев. Рисовые поля Кашмира сосредоточены почти исключительно на аллювиальной равнине, где под рис отведены практически все пахотные земли. Рисоводство в Кашмирской долине практикуется на высоте не более 2000 м над уровнем моря (Пуляркин 1956; 1967; Lawtence 1895). Высота большей части *карева* и горных склонов превышает это значение. Основными зерновыми культурами там являются ячмень, гречиха и кукуруза. Кроме того, важную роль в экономике этих районов играет скотоводство.

Были ли подобная структура посевов и подобное использование различных форм рельефа для хозяйственных нужд характерны для Кашмира эпохи раннего Средневековья? Имеющиеся в нашем распоряжении письменные данные не содержат ясного ответа на этот вопрос, что объясняется их спецификой. Главным нарративным источником по истории древнего и раннесредневекового Кашмира является упоминавшаяся выше придворная хроника «Раджатарангини» (букв. «Волны царей»), написанная в XII в. на санскрите кашмирским поэтом Кальханой. Основное место в ней естественным образом уделено политическим событиям, а также личной жизни царей и придворных. Сведения же о хозяйстве относительно немногочисленны. Вместе с тем об истории кашмирского рисоводства можно судить по некоторым косвенным данным, в частности по развитию ирригации. Рис в Кашмирской долине – единственная сельскохозяйственная культура, требующая искусствен-

ного орошения. Следовательно, изменение площади орошаемых земель можно рассматривать как показатель изменения роли рисоводства. Имеющаяся в нашем распоряжении информация об оросительных системах в Кашмире разных эпох достаточна для проведения сравнительного анализа, что мы и попытаемся сделать ниже.

В XIX и первой половине XX в. орошаемые земли в Кашмирской долине располагались главным образом в ее наименее приподнятой части – на аллювиальной равнине³. Разветвленная речная сеть создавала здесь благоприятные условия для ирригации. Для полива использовалась вода притоков Джелама, а также талые воды, стекавшие в виде многочисленных ручьев с горных склонов и более возвышенных участков долины в период интенсивного снеготаяния (март – апрель). Подача на поля воды самого Джелама считалась невозможной ввиду его медленного течения. Орошение осуществлялось преимущественно при помощи мелких ирригационных сооружений, строившихся и поддерживавшихся силами одной, реже нескольких деревень. На *карева* ирригация была крайне затруднена, так как реки и ручьи протекали там в глубоких дефиле, достигавших иногда глубины 100 м. Поэтому за пределами аллювиальной равнины земледелие было преимущественно богарным.

Картина, восстанавливаемая на основании данных «Раджатарангини», в ряде аспектов существенно отличается от описанной выше. Характерной чертой ирригации в раннесредневековом Кашмире, по всей видимости, было преобладание крупных оросительных сооружений, проектирование, постройка и поддержание которых финансировались и направлялись государством. В хронике неоднократно упоминается строительство царями каналов, причем оно рассматривается как выдающаяся заслуга и ставится в один ряд, например, с основанием храмов. Монархи руководили дренажными работами, также необходимыми в Кашмирской долине, часто страдающей от наводнений. В строительных работах участвовали наемные работники, хотя исследователи не исключают также и использование принудительного труда (Селиванова 1985).

³ Краткие сведения об ирригации в Кашмире в Новое и Новейшее время см., например, в работах В. А. Пуляркина (Пуляркин 1956; 1967), подробные – в книге У. Лоуренса (Lawrence 1895). Дальнейшее наше описание основано на данных, приведенных именно в этих публикациях.

Техническое устройство ирригационных систем, по-видимому, было в некоторых случаях более сложным, чем в XIX в., что позволяло орошать большие площади и более полно использовать водные ресурсы. Так, в годы правления царя Лалитадитьи (724–760) была создана система водяных колес, с помощью которой удалось осуществить обводнение одной из *карева* водой из реки Джелам.

Обычно Кальхана ограничивается достаточно краткими сообщениями о гидротехнических проектах. В некоторых случаях, однако, он пишет о них подробнее. Самым ярким и интересным примером такого детального описания является рассказ о деятельности инженера Суйи (Kalhana's... 1900: 195–202). Этот рассказ содержит немало сведений о раннесредневековом Кашмире, представляющих, на наш взгляд, первостепенный интерес для социоестествоведов. Суйя, сделавший блистательную карьеру при царе Авантивармане (855–883), был выходцем из социальных низов. Несмотря на это, он смог получить образование, что позволило ему стать учителем и некоторое время зарабатывать на жизнь частными уроками. Молодые годы Суйи пришлось на трудное для страны время. Участвовавшие неурожаи и разрушительные наводнения, одной из причин которых, вероятно, было прекращение или сокращение ирригационных и дренажных работ при слабых правителях первой половины IX в., привели к дороговизне зерна и значительному падению уровня жизни. Согласно «Раджатарангини», Суйя вел частые беседы с крестьянами, в которых неоднократно заявлял, что знает способы борьбы со стихийными бедствиями. Это сделало его имя широко известным, и через некоторое время его предложения заинтересовали правителя, который согласился оказать ему поддержку. Пользуясь покровительством царя Авантивармана, Суйя организовал очистку дна Джелама от валунов, блокировавших его течение и тем самым вызвавших разлив реки, а затем за сравнительно короткое время осуществил целый ряд гидротехнических проектов. В их число входило строительство дамб, прокладка нескольких дополнительных искусственных русел Джелама, позволившая понизить уровень воды в реке и уменьшить опасность наводнений⁴, постройка многочисленных каналов, благодаря кото-

⁴ Дренажные работы Суйи привели к изменению места впадения в Джелам одного из правых притоков – реки Синдху.

рым были орошены все пахотные земли в долине. После завершения работ Суйей было проведено исследование почв, в результате которого для каждого их вида был рекомендован определенный период обводнения.

Как уже говорилось, история Суйи позволяет нам узнать некоторые весьма важные особенности экономической и социальной жизни раннесредневекового Кашмира. Она демонстрирует, в частности, важную роль монарха в проведении гидротехнических работ, неспособность крестьян самостоятельно, без вмешательства государства бороться с неурожаями и наводнениями, а также показывает, что кашмирское общество IX в. отличалось довольно большой социальной мобильностью.

О величине гидротехнических сооружений и масштабах ирригации в Кашмире в прошлом можно судить не только по летописным свидетельствам. Немалый интерес представляют также данные материальной культуры. А. Стейну удалось обнаружить в нескольких местах на горных склонах остатки старых оросительных каналов, по которым, по-видимому, подавалась вниз талая вода с альпийских лугов (Kalhana's... 1900: 200). Эти каналы пролегали на высоте более 11 тыс. футов (3350 м) над уровнем моря. Едва ли они могли вести на дно долины: в этом не было необходимости, поскольку пересекающие аллювиальную равнину ручьи и притоки Джелама дают вполне достаточно воды для орошения. Вероятнее всего, проложенные в горах каналы использовались для обводнения прилегающих к склонам *карева*. Таким образом, площадь орошаемых земель в Кашмирской долине, видимо, была значительно больше, чем в настоящее время и в недавнем прошлом, а это, как отмечалось выше, означает значительно более широкое распространение рисоводства. Под рисовые поля должны были отводиться не только низкие земли поймы Джелама, но и земли, расположенные на гораздо большей высоте. В этой связи представляется важным, что период экономического расцвета домусульманского Кашмира (VIII–X вв.) пришелся на эпоху теплого климата – средневековый климатический оптимум, когда вследствие более высоких температур верхняя граница возделывания риса, возможно, пролегала заметно выше современной.

Наличие мощных гидротехнических систем, игравших важнейшую роль в экономике, – особенность, объединяющая домульманский Кашмир с целым рядом древних и средневековых государств Востока. Исследования отечественных (в частности, работающих в рамках СЕИ) и зарубежных ученых показали, что для бесперебойного функционирования крупных оросительных и дренажных сооружений необходимым условием является наличие определенного типа общества и государственного устройства. Помимо уже упоминавшихся работ Э. С. Кульпина данный круг проблем детально рассматривался в исследованиях немецкого (позднее – американского) историка-китаиста К. Виттфогеля (Wittfogel 1956; 1957). Им был введен в научный обиход особый термин – «гидравлическая цивилизация», или «гидравлическое общество». Для такого общества характерно наличие сильного государства с высокой степенью централизации, контролирующего все сферы жизни, в частности хозяйственную деятельность. Центральная власть при этом жестко блокирует появление каких-либо конкурирующих с ней сил (в негидравлических обществах такими силами могут быть, например, крупные землевладельцы, самоуправляющиеся города, независимая от государства церковь). Примечательно, что К. Виттфогель не включал в число гидравлических те цивилизации, основной технологией в которых являлось поливное земледелие, обеспечиваемое мелкими ирригационными системами. К таким цивилизациям, по его мнению, относились, например, античная и японская. Таким образом, общество Кашмира XIX в., в отличие от раннесредневекового кашмирского общества, нет никаких оснований считать гидравлическим.

Некоторые важные выводы К. Виттфогеля, сделанные им главным образом на основании изучения китайской истории, могут быть подкреплены рядом фактов из истории Кашмира. Основные характеристики гидравлической цивилизации ясно просматриваются, например, в принципах государственного управления, сформулированных царем Лалитадितьей (Kalhana's... 1900). Среди них особый интерес представляют следующие два:

- 1) недопущение внутренних распрей;
- 2) сдерживание государством процесса обогащения крестьян.

Для реализации второго принципа предлагалось оставлять сельским жителям продовольствия не больше, чем необходимо им для пропитания в течение года, и скота не больше, чем необходимо для пахоты. Указывалось, что в противном случае крестьяне за один год могут превратиться в крупных землевладельцев, достаточно могущественных, чтобы игнорировать приказы царя.

А. Стейн полагает, что приписанные Лалитадитье положения в действительности принадлежат не ему, а Кальхане – автору «Раджатарангини» (Kalhana's... 1900). Данная точка зрения представляется нам не более чем гипотезой, однако даже если она верна, вышеприведенные принципы вовсе не утрачивают интереса для исследователей, поскольку они, вероятнее всего, демонстрируют распространённые среди элиты домусульманского Кашмира взгляды на идеальное государственное устройство. По мнению А. Стейна, Кальхана высказал свои мысли устами Лалитадитьи в первую очередь потому, что в современную хронисту эпоху (XII в.) политическая ситуация в стране была максимально далека от идеала. Действительно, в Кашмире конца домусульманской эпохи, несомненно, шел процесс гибели централизованного государства. В течение примерно двух веков страна жила в условиях почти непрекращающихся междоусобных войн, одним из результатов которых стала утрата царями реального контроля над большей частью территории. Лишь немногочисленным сильным монархам удавалось реально контролировать более или менее обширные области за пределами столицы. Войны велись главным образом между царем и *дамарами* – крупными землевладельцами, вышедшими на историческую сцену в X в. и значительно усилившимися в XI в.

Ясно, что такая обстановка была не просто опасной, но губительной для гидравлической цивилизации и для ее экономической основы – орошаемого земледелия. Как пишет отечественный исследователь истории Кашмира Т. П. Селиванова, «поддержание в порядке ирригационных систем требовало сил и средств, так что при нестабильных правлениях ирригационные сооружения разрушались, губительные наводнения приводили к заболачиванию почвы, а возделываемые на горных склонах поля лишались орошения. Следствием всего этого были постоянные неурожаи» (Селиванова 1985: 47).

В полной мере оценить ущерб, нанесенный стране длительной политической нестабильностью, не представляется возможным ввиду недостатка данных. Можно, однако, обратить внимание на известные в мировой истории прецеденты. Особенно интересен в данном отношении древний и средневековый Китай, экономика которого также базировалась на заливном рисоводстве. Как известно, междоусобные войны и неизменно сопровождавшие их голод и эпидемии приводили в некоторых районах Китая к потере 80–90 % населения. Аналогичный сценарий развития событий нельзя исключить и для Кашмирской долины. При этом если в Китае, по мнению ряда ученых, подобные процессы в одних областях компенсировались демографическим ростом в других (Кульпин 1999), то в Кашмире такое вряд ли было возможно ввиду крайне небольших размеров территории. Междоусобицы должны были наносить тяжелейший урон всей стране. В подобных условиях вполне могла произойти социально-экологическая катастрофа – гибель цивилизации, с которой и связана рассмотренная в настоящем исследовании смена технологии основного хозяйственного процесса.

Последнее утверждение при всей его гипотетичности как будто согласуется с данными некоторых более поздних источников. Данные эти, впрочем, косвенные и весьма немногочисленные. Все они относятся уже к мусульманскому периоду (начиная с XIV в.) и будут рассмотрены ниже.

История Кашмира конца домусульманской эпохи освещена в источниках весьма фрагментарно. Известно, что междоусобные войны продолжались и в период непосредственно после написания «Раджатарангини» Кальханы⁵. События этого времени описаны в санскритоязычной хронике, составленной поэтом Джонараджей и также названной «Раджатарангини»⁶. Описание это, однако, отличается крайней сжатостью и поверхностностью. Возможно, Джонараджа, живший в XV в. (он был одним из придворных поэтов мусульманского правителя Кашмира – султана Зейн-уль-Абидина), попросту не имел непосредственных предшественников-хронистов, на труды которых он мог бы опереться, и потому воспроизвел

⁵ Временем составления хроники считают 1147–1149 гг.

⁶ Комментированный английский перевод этой краткой хроники см., например, в книге: Medieval... 1993: 19–89.

лишь те события трехсотлетней давности, которые еще не были окончательно забыты. Как бы то ни было, его хроника не содержит никаких фактов, позволяющих судить о состоянии хозяйства, демографических и культурных процессах во второй половине XII в. То же самое можно сказать и о следующем, XIII столетии, хотя о политических событиях этого периода можно составить несколько более ясное представление. Помимо труда Джонараджи они освещаются также в знаменитом «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина, из которого известно, в частности, что Кашмир в XIII в. был завоеван монголами и находился в вассальной зависимости от них (Jahn 1956; 1980). Последствия этого завоевания – тема интересная и еще во многом не исследованная. Пока можно лишь предположить, что сами военные операции монголов должны были привести к новым разрушениям и человеческим жертвам и тем самым усугубить хозяйственный и демографический кризис, однако в дальнейшем установление твердой власти могло способствовать стабилизации политической обстановки и прекращению внутренних распрей, а следовательно, росту населения.

Мусульманская эпоха (XIV – начало XIX в.) отражена в нарративных источниках достаточно полно. Как уже говорилось, отдельные факты, относящиеся к этому периоду, могут с разной степенью вероятности считаться косвенными свидетельствами смены основной технологии в Кашмирской долине. Первое, что обращает на себя внимание, – почти полное отсутствие сообщений о строительстве правителями гидротехнических сооружений. Единственным исключением в этом отношении был султан Зейн-уль-Абидин (1420–1470). Этот правитель, активно покровительствовавший искусствам и ремеслам, прославился также как градостроитель, основавший несколько новых городов. По его инициативе были созданы искусственные острова на озерах Кашмира, а также построены некоторые объекты инфраструктуры, в частности мосты. Джонараджа приводит перечень каналов, проложенных в годы правления Зейн-уль-Абидина (Medieval... 1993: 70–71). Следует отметить, что не все эти каналы предназначались для нужд сельского хозяйства. Некоторые из них, по-видимому, были построены для снабжения водой основанных султаном городов. Те каналы, которые использовались для орошения полей, впоследствии либо исчезли, либо

сузились (Malla 1998), что, скорее всего, объясняется невозможностью поддерживать их в прежнем состоянии в условиях отсутствия централизованного управления строительством и ремонтом гидротехнических сооружений.

О постройке каналов или каких-либо иных ирригационных или дренажных работах в годы правления других мусульманских правителей Кашмира (как до, так и после Зейн-уль-Абидина) источники не сообщают. По всей видимости, подача воды на рисовые поля в это время обеспечивалась малыми оросительными системами, строительство и ремонт которых под силу небольшим сельским общинам. Поскольку для обводнения большей части *карева* таких систем недостаточно, рисоводство, видимо, почти не практиковалось за пределами аллювиальной равнины. Иными словами, есть основания полагать, что сельское хозяйство Кашмирской долины в мусульманский период гораздо больше походило на таковое в XIX в., нежели в раннем Средневековье. Данный вывод вполне согласуется с теми краткими сведениями о земледелии в Кашмире, которые содержатся в позднесредневековых источниках. Так, в историческом труде первой половины XVI в. «Тарих-и-Рашиди» указывается, что земли в Кашмирской долине делятся на 4 категории: поливные, богарные, сады и луга, которые ввиду большой влажности не пригодны для возделывания (Мирза Мухаммад Хайдар 1996: 533). В конце того же столетия, вскоре после завоевания Кашмира Великими Моголами, визирь падишаха Акбара Абу-л Фазл Аллами приводит в своем описании Могольской империи аналогичные данные. Согласно ему, кашмирские пахотные земли либо орошаются искусственно, либо же зависят от дождей (The Ain-i-Akbar... 1873–1907: 347). Оба сообщения свидетельствуют о важной роли богарного земледелия. Едва ли подобная ситуация была характерна для VIII–XI вв., когда мощные ирригационные сооружения позволяли обводнять основную часть земель в стране.

К XVII в. относится первое описание технологии орошения в Кашмире, сделанное европейцем. Оно принадлежит французу Франсуа Бернье, служившему лейб-медиком у могольского падишаха Аурангзеба. В своих путевых заметках он писал: «С этих гор (окружающих Кашмир. – А. К.) со всех сторон сбегает бесконечное множество источников и ручейков. Местные жители умеют отво-

дить их на свои рисовые поля, а при помощи земляных плотин поднимать даже на небольшие холмы» (Бернье 1936: 318). Сведения, приведенные Ф. Бернье, при всей их краткости представляются нам чрезвычайно важными. Их можно считать единственным относящимся к мусульманской эпохе прямым указанием на преобладание в Кашмирской долине мелких ирригационных систем. О крупных системах не сообщается ничего, что позволяет думать об их отсутствии.

Таким образом, есть все основания считать, что исламизация Кашмира, а также сопутствующие ей другие изменения в духовной культуре сопровождались сменой технологии основного хозяйственного процесса. На смену заливному рисоводству, практиковавшемуся во всех или в большинстве районов долины и возможному благодаря наличию мощных гидротехнических сооружений, пришла более сложная хозяйственная система. Она включала 3 основные отрасли: орошаемое земледелие (рисоводство), обеспечивавшееся мелкими оросительными системами, богарное земледелие и скотоводство. При этом перемены в технологии, вероятно, имели важные последствия для социальной эволюции, поскольку привели к переходу от гидравлического общества к негидравлическому. Приняв во внимание все рассмотренные выше факты, едва ли можно согласиться с разделяемой некоторыми учеными точкой зрения, согласно которой экономика и общественные отношения в Кашмире оставались во многом неизменными в течение тысячелетия.

Литература

Бернье, Ф. 1936. *История последних политических переворотов в государстве Великого Могола*. М.: Соцэкгиз.

Коган, А. И.

2008. «Белые пятна» этнических процессов в Кашмире. *История и современность* 1: 99–112.

2011. К характеристике индоарийских элементов в языке кашмири. *Вопросы языкового родства* 5: 23–47 (в печати).

Кульпин, Э. С.

1996. *Бифуркация Запад – Восток*. М.: Московский лицей.

1999. *Восток (Человек и природа на Дальнем Востоке)*. М.: Московский лицей.

Мирза Мухаммад Хайдар. 1996. *Тарих-и-Рашиди*. Ташкент: Фан.

Пуляркин, В. А.

1956. *Кашир*. М.: Географгиз.

1967. Природные условия и сельское хозяйство Кашмирской долины. *Страны и народы Востока*. Вып. V. *Индия – страна и народ* (с. 195–209). М.: Наука, Главная редакция вост. лит-ры.

Селиванова, Т. П. 1985. *Социально-экономический строй средневекового Кашира (по данным «Раджатарангини» Калханы, XII в.)*. Дис. ... д-ра ист. наук. Л.

Bamzai, P. N. K. 1973. *A History of Kashmir, Political, Social, Cultural from the Earliest Times to the Present Day*. New Delhi: Metropolitan Book Co. (Pvt.) Ltd.

Jahn, K.

1956. A Note on Kashmir and the Mongols. *Central Asiatic Journal* II(3): 176–180.

1980. *Die Indiangeschichte des Rašīd ad-Dīn*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Kalhana's Rajatarangini or Chronicle of the Kings of Kashmir. Vol. I–II / transl. by M. A. Stein. Westminster, 1900.

Lawrence, W. R. 1895. *The Valley of Kashmir*. London.

Malla, B. L. 1998. *Water Resources and Their Management in Kashmir. The Cultural Dimension of Ecology*. New Delhi: Indira Gandhi National Centre for the Arts.

Medieval Kashmir. Reprint of the Rajataranginis of Jonaraja, Shrivara and Shuka. Transl. by J. C. Dutt, published in 1898 A.D. under the Title “Kings of Kashmir”. Vol. III / ed. by S. L. Sadhu. New Delhi, 1993.

Parmu, R. K. 1969. *A History of Muslim Rule in Kashmir, 1320–1819*. Delhi: People's Publishing House.

The Ain-i-Akbari by Abu-I-Fazl Allami / translated from the Original Persian by H. Blochmann, M. A., H. S. Jarret. Vol. I–III. Calcutta, 1873–1907.

Wittfogel, K. A.

1956. Hydraulic Civilizations. *Man's Role in Changing the Face of the Earth* / ed. W. L. Thomas (pp. 152–164). Chicago: University of Chicago Press.

1957. *Oriental Despotism; a Comparative Study of Total Power*. New York: Random House.